

точно широко были известны еще в XVIII — начале XIX в. в литературном языке, хотя и постепенно стали убывать. При этом именно в литературном языке подобные формы от беспривставочных глаголов постепенно получили новый оттенок значения, сближающий его с давнопрошедшим временем: глаголы на *-ыва-*, *-ива-* стали обозначать не просто прошедшее действие, но и давно бывшее. Именно так воспринимаются подобные формы, например, у Пушкина: „Здесь барин *сизживал* один, здесь с ним *обедывал* зимою покойный Ленский“. Наоборот, у привставочных глаголов с суффиксом *-ыва-*, *-ива-* устойчивее сохраняется значение многократности; ср., например, *посматривал*, *похаживал*, *пописывал* и т. п.

§ 222. Разрушение старой системы прошедших времен. Это разрушение выразилось в том, что вместо четырех форм — аориста, имперфекта, перфекта и давнопрошедшего времени — на протяжении истории русского языка устанавливается одна, по происхождению восходящая к перфекту.

Следует иметь в виду, что показания памятников, на которые мы опираемся при изучении истории прошедших времен, бывают неодинаковы в связи с неодинаковостью их в жанровом и стилевом отношении. В памятниках церковно-религиозной литературы и в летописях система старых прошедших времен держится очень устойчиво и представлена полностью. Памятники же, находящиеся ближе к живой речи (в частности, деловая письменность), отражают достаточно ярко разрушение старой системы времен.

Исходя из показаний памятников и сравнительного анализа славянских языков, можно думать, что раньше всего был утрачен имперфект; об этом можно судить уже по тому, что в тех памятниках, где еще употребляется аорист, в них уже отсутствует имперфект (такова, например, „Русская Правда“ 1282 г.). Некоторые лингвисты считают, что имперфект в живом языке был утрачен в XII в. Интересен и тот факт, что в современном языке не осталось никаких ясных следов имперфекта, тогда как аорист эти следы оставил. Следует иметь в виду, что и в других славянских языках имперфект утрачивался раньше.

В отличие от имперфекта, аорист в древнерусском языке держался дольше, причем он обнаруживается даже в довольно поздних по происхождению грамотах (например, севернорусских XIV—XV вв.: *докончахо(м)* (Новг. грам. 1262 г.), *притъхаша послы*

14-15 вв. уфран аор

(Новг. грам. 1269 г.), *припхаша* (Новг. грам. 1471 г.), *повельхо* (м) (там же) и др.). Как видно, аорист вообще утрачивался поговорам не одновременно, но вместе с тем возможно, что сохранение форм аориста в некоторых поздних памятниках не является фактом живого языка. Есть определенные показания памятников, и прежде всего к ним относятся факты неправильного употребления аористных форм, которые указывают на утрату аориста в живых диалектах. Это неправильное употребление выражается в смешении форм аориста и имперфекта, особенно близких по внешнему виду форм 3-го л. мн. ч. аориста и 3-го л. ед. ч. имперфекта, в образовании имперфекта по образцу аориста, в путанице форм един. и мн. ч. аориста и т. п. Ср. факты памятников письменности: *се пожаловаше посадникъ и вси старши посадники* (вместо *пожаловаша*) (Новг. грам. 1448—1454 гг.), *приведохоу* (вместо *приведоша*) (Моск. еванг. 1339 г.), *тоу грамотоу посадникъ подраше* (вместо *подра*) (Двин. грам. XIV—XV вв.), *садъ весь изгоръша* (вместо *изгоръ*), *иные в водъ потопаше* (вместо *потопаша*) (Новг. летоп.) и т. д.

Утратившись в языке позже имперфекта, аорист сохранил определенные следы в современном русском языке. Такова, например, частица *чу* — по происхождению форма аориста 3-го л. ед. ч. от глагола *чута* — „слышать“. По мнению акад. А. А. Шахматова, остатком аориста являются и так называемые глагольные междометия типа *хлоп*, *бряк*, *бац*, *прыг* и т. п., которые связаны с глаголом и выступают в роли сказуемых и которые по форме тяготеют к простому аористу. Но это мнение, вообще говоря, сомнительно, ибо, как известно, формы простого аориста в древнерусских памятниках не были употребительны¹. Более вероятно другое предположение А. А. Шахматова — о сохранении следов аориста в конструкциях с особым употреблением повелительного наклонения для выражения внезапного действия, имевшего место в прошлом, и недлительного, типа *возьми и побеги*, *возьми и упади*. И по значению, и по форме они связаны с аористными образованиями, а именно с формами 2-3-го л. ед. ч.

¹ Если не говорить, конечно, о формах 2—3-го л. ед. ч., где в глаголах с основой на согласный постоянно выступали формы простого аориста. Но образования типа *хлоп*, *бряк*, если считать их аористными по происхождению, должны быть возведены к 1-му лицу единственного числа простого аориста, что и является сомнительным для русского языка.

Наконец, частица *бы*, служащая теперь для образования условного наклонения, по происхождению является формой 2—3-го л. ед. ч. аориста от *быти* (см. § 211).

Что касается давнопрошедшего времени, то оно в старой форме было утрачено, как видно, к XIII в., что было связано с утратой в древнерусском языке имперфекта, а в новой, но потерявшей связку *есмь*, *еси* и т. д., т. е. в виде бывших двух причастий на *-л-*, сохраняется и теперь в современных говорах, даже со старым значением: например, *казаки были пошли да опять вернулись*; *земля была высохла да опять промокла*¹. В литературном языке к старому давнопрошедшему времени восходит конструкция прошедшего времени с неизменяемым словом *было*: *пошел было, хотел было* и т. п. — это так называемое прерванное прошедшее. По памятникам она отмечается с XVI в.².

Таким образом, из прежних форм прошедшего времени остается один перфект, который на протяжении истории русского языка постепенно становится единственной формой прошедшего времени, впитавшей в себя все значения остальных времен. Однако на истории этой формы следует остановиться особо.

§ 223. История перфекта. Как известно, в состав формы перфекта входила связка от *быти* в настоящем времени и причастие прошедшего времени на *-л-*. Это причастие в русском языке могло выступать как в краткой, так и в полной форме, причем полные причастия на *-л-*, утратив связь с глаголами, существуют и теперь в русском языке как прилагательные (ср. *стал* и *спелый*, как *ты смел* и *смелый*, *я устал* и *усталый* и т. д.). И те и другие причастия могли выступать в роли определения, но лишь краткие — в составе именного сказуемого (так же, как краткие прилагательные). В связи с тем, что сказуемое должно иметь категорию лица, в именном сказуемом эта категория выражалась связкой *есмь*, *еси*. В 3-м л. такая связка большей частью не

¹ См. В. И. Чернышев, *Описательные формы времен и наклонений в русском языке* („Труды Института русского языка“ АН СССР, т. 1, 1949).

² Существует (со времен Ф. И. Буслаева) предположение, что к остаткам древнерусской формы давнопрошедшего времени относится сказочный зачин *жил-был*, *жили-были* (см., например, П. Я. Черных, *Историческая грамматика русского языка*, 1962, стр. 262), однако это предположение принимается не всеми. См. А. И. Евгеньев, *Сочетание жили-были в сказочном зачине*. Сб. „Памяти акад. Л. В. Щербак“, изд. ЛГУ, 1951, стр. 163 и сл.